

УДК 130.2

Ю.А. Жданов
(1919–2006)

Член-корреспондент РАН.

**ДЕМОНИЧЕСКАЯ СИЛА
НЕВЕЖЕСТВА¹**

Статья посвящена силе невежества как культурного, социального и социально-психологического явления. Автор считает, что особенно явно невежество отражается на интерпретации социально-гуманитарных теорий.

Ключевые слова: *невежество, марксизм, дилетантизм, деструктивность, личность.*

Y.A. Zhdanov
(1919–2006)

Corresponding Member of RAS.

**DEMONIC POWER
OF IGNORANCE**

The article is devoted to the power of ignorance, as the cultural, social and socio-psychological phenomenon. The author believes that ignorance is especially clearly reflected in the interpretation of socio-humanitarian theories.

Key words: *ignorance, Marxism, dilettantism, destructiveness, personality.*

¹ Впервые статья была опубликована в сборнике научных статей «Инновационные подходы в науке: теоретические и методологические проблемы социогуманитарного познания». Ростов н/Д, 1995. С. 97–105.

*Во многих мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.*

Екклесиаст

Внимание интеллектуальных кругов человечества, философов и публицистов, историков и эссеистов давно привлечено к неисчерпаемой проблеме ума и глупости. В обширной литературе выделяются такие сверкающие шедевры, как книги Гельвеция «Об уме» и «Похвала глупости» Эразма Роттердамского. Русская мысль постоянно возвращается к этой теме; достаточно вспомнить «Горе от ума» Грибоедова, «Историю одного города» Щедрина, «Письмо ученому соседу» Чехова, «Город Градов» Платонова, чтобы представить актуальность проблемы.

Однако одна смежная категория, на наш взгляд, не привлекла к себе достаточного внимания. Речь идет о таком явлении в сфере сознания, как невежество. Пожалуй, только Маркс обратил внимание на сей предмет и высказал таинственную сентенцию: «Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся, что она послужит причиной еще многих трагедий» [1]. Итак, не экономика, не базис, не надстройка, не идеология, а самое бесхитрое невежество, а результат – трагедия.

На первый взгляд, невежество – попросту неосведомленность, отсутствие знания, информации, как говорим мы теперь. Но уже давно сказано: многознание не научает уму. Невежество не просто незнание, это агрессивное самоутверждение своего незнания, с порога отвергающее знание, удовлетворяющееся своей самодостаточностью, враждебно, подозрительно относящееся к знанию, злобно и воинственно навязывающее себя. Вот почему оно может принять демонический характер.

Невежество всегда кутается в мантию высокомерия, оно презирает знание с самоуспоением, чванливостью и в то же время с трусливой агрессией.

Незнание – следствие случайных вариаций в жизни индивида: не изучил бином Ньютона, не помню расстояние до Солнца или формулы ДНК. Невежество – сущностная характеристика личности. Для него опыт и знания не поднялись до целостной теоретической картины мира. Невежественный человек не знает своего незнания и посему за все берет. В письме к молодежи академик И. Павлов учил признаваться себе: «Я – невежда». Только так можно преодолеть невежество, выйти на дорогу знаний.

Невежда никогда не сделает этого признания, для него оно – саморазоблачение; напротив, он купается в своем невежестве. Тот же Павлов обращал внимание на то, с каким упоением физиологи-агностики отрицали возможность понимания духовной природы человека. Великий ученый

с презрением отмечал у них «восторг невежества»: не понимаю, не пойму, никогда не пойму!

Истоки и природа невежества могут быть самыми различными. К. Маркс в свое время сурово порицал русских анархистов за то, что они навязывают молодежи «культ невежества», неуважительное отношение к науке, к знанию. Эта тенденция не угасла и имеет не только российскую прописку. Вот что написал в наши дни международный журнал «Нэйчер»: «Высокий уровень общенаучной безграмотности в Соединенных Штатах и других развитых странах является потенциальным источником ошибочной политики и возможной социальной нестабильности» [2].

С точки зрения своей методологии невежество бьется в метафизических тенетах внешних противоположностей. С одной стороны, ему присуща неophobia – отвержение нового, боязнь его, страх перед изменениями, с другой – разухабистый модернизм, авангардизм, погоня за модой; оно исполнено релятивизма, недоверия и в то же время догматизма, цепляния за старые формулы; для него характерен авторитаризм мышления, некритическая вера в авторитеты и одновременно тяга к плюрализму мнений; для него «маститые классики в пыли – апчхи!» – как говорил Маяковский. Но мнение не составляет истины – это знал еще Коран. Мнение становится сомнением. Невежество не признает объективной, общезначимой истины, и в то же время «что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет».

Серьезным источником невежества является высокомерие узкого профессионализма, профессионального кретинизма: если я хорошо знаю химию, то могу компетентно судить о социологии, хотя ее и не изучал; если мне доступны глубины математики, то уж политические проблемы руками разведу. Норберт Винер предостерегал против появления кибернетиков, которые могут передать сообщение, но им нечего сообщить другим людям; отсюда – дилетантизм в решении любых вопросов, о чем писал еще Герцен.

Отрицая объективное знание, невежество легко смыкается с иррационализмом, становится жертвой шарлатанства, обскурантизма, модных мифов. Оно может глубокомысленно рассуждать об «избыточности образования» в современном мире или о необходимости сокращения научно-технической базы в России на две трети, как в недавних решениях парижской Организации по экономическому сотрудничеству и развитию. Правда, бывает и благодушное невежество, когда простота хуже воровства.

Не умея подняться в познании к теоретическим высотам, невежество стремится превратить науку в идеологию, служанку власти, не ощущает самоценности науки как квинтэссенции универсального исторического

процесса развития, действуя под девизом «Мне лишь бы желуди, ведь я от них жирею».

Невежество не в состоянии осмыслить происходящее, не умея познать явления, кажимость, пестроту мира из их сущностных характеристик. Отсюда – капитуляция мысли перед сложностями проблем. «Они ровным счетом ничего не знают и именно поэтому решительно ничему не желают учиться», – ворчал Энгельс [3].

Познание сущности вещей требует углубленной работы мысли, физической силы ума. Но, как отмечал еще Гегель, «обыденное сознание вообще не входит в рассмотрение внутренних связей, существенного в вещах, причин, оснований, целей, но довольствуется тем, что берет все существующее и совершающееся как нечто отдельное, в соответствии с его лишенной значения случайностью» [4].

Роковую роль в становлении невежества может играть частный интерес личности или той социальной группы, к которой она принадлежит. Этот интерес активно препятствует познанию, насилует истину для самооправдания. Возникает страх перед истиной, отмеченный еще Гегелем. Так случилось с такой серьезной наукой, как политическая экономия. Заложена трудами классиков: Ульяма Петти, Адама Смита, Давида Рикардо, Карла Маркса, она вдруг выродилась в вульгарную политическую экономию, когда выяснилось, что наука выносит приговор существующему строю. Вульгарная политэкономия свелась к скрупулезному исследованию спроса и предложения, движения денег, размеров дохода. Это, несомненно, полезно и необходимо, но при этом, в отличие от подлинной науки, вульгарная политэкономия, писал Маркс, «объявляет истинным делом науки простой перевод обыденных явлений в столь же обыденные представления». В то время как истинные науки «стремятся выяснить скрытую за обыденными явлениями и, как правило, по своей форме противоречащую обыденному явлению (такому, например, как движение Солнца вокруг Земли) сущность» [5].

Печальным и трагическим примером современности, когда демоническая сила невежества сыграла свою трагическую роль, является судьба марксистского учения. Люди никак не хотят понять, что нынешнее поприще марксистской науки по своей природе ничем не отличается от гонений на менделизм-морганизм в биологии или гонений на кибернетику. Но этот процесс имеет глубокие корни.

В свое время замечательный русский мыслитель и революционер Г.В. Плеханов, попав в эмиграцию, с удивлением обнаружил: «Я начинаю думать, что марксисты являются очень редкими птицами в социалистических партиях Запада» [6]. Он горестно резюмирует: «Есть профессора, "люди науки", которые в своих произведениях воздвигли себе несокрушимый памятник *абсолютной неспособности* уловить смысл учения

Маркса» [6, т. 3, с. 49]. Увы, таких профессоров и академиков оказалось очень много, и не только на Западе.

Надо отметить, что Ленин разделял позицию своего товарища и противника Плеханова. Конспектируя и обсуждая в своих «Философских тетрадях» труды Гегеля, Ленин приходил к неожиданному выводу: «Нельзя вполне понять "Капитала" Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!» [7]. А многие ли поняли позже? Чтобы понять марксизм, необходимо не просто вы зубрить его вершки, но понимать и корни, и истоки, и составные части. Марксизм мертв; если не видеть его исторических корней, он вырождается в идеологию. Чтобы понять, открыть для себя марксизм, необходимо знание всей истории философии от элеатов, Аристотеля, Платона, Спинозы, Декарта до Канта и Гегеля. Необходимо понять движение экономической мысли от ибн Хальдуна, Смита, Рикардо до Маркса. Не избежать и истории социологической, политологической, религиозной мысли от Геродота, Фукидида, Августина, Лютера, Кампанеллы, Томаса Мора, Сен-Симона, Конта, Спенсера до современности.

Марксизм впитал в себя все богатство общемировой культуры – Гомера, Сервантеса, Шекспира, Пушкина, Рембрандта, Бетховена, Бальзака и Гете. А ныне нужно к этому присовокупить все последующее развитие до теории относительности Эйнштейна, термодинамики Гиббса, квантовой механики, синергетики Хакена, астрофизики Хаббла, а также дарвинизм и генетику, теорию катастроф и взгляды Пригожина.

Но широкое распространение марксизма не могло не привести к принижению его теоретического уровня. Бюрократия, родное дитя капитализма, не могла не обречь его на окостенение и догматизацию. Тем не менее следует вспомнить слова вполне независимых мыслителей нашего времени.

Вот что писал Вернадский: «То понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей в "научный социализм"» [8]. Эйнштейн в своей работе «Почему социализм» придерживается того же взгляда.

Бывший европейский, а потом американский философ и психолог Эрих Фромм в книге «Душа человека» так характеризует нынешнюю ситуацию с марксизмом: «Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером этого рода является то, что сделано в последние десятилетия с учением К. Маркса» [9]. Именно невежество, корыстный социальный интерес, классовая заинтересованность объединили свои усилия для разрушения марксизма. Однако нельзя не согласиться с видным американским экономистом и со-

циологом Дж. Гэлбрейтом: «Приверженность Марксу... продолжает оставаться признаком мужественного мышления» [10].

Но не только шкурные интересы «взрослых дядь» рожают невежество. Есть еще одна очень серьезная, очень глубокая, можно сказать, космическая причина. Да, в прошлом были и Аристотель и Дарвин, и Эйнштейн и Маркс, и Пушкин и Толстой. Но каждый раз из великого небытия Вселенной рождается маленькое живое чудо, которое ничего этого не знает, которому гены матери и отца не передали традиций культуры, которому всему надо научиться за короткий миг бытия. Удастся ли это? Не пройдут ли многие мимо богатства культуры, науки, нравственных и художественных свершений человечества, исторического опыта? Проблема разрыва и преемственности поколений – одна из существеннейших для судеб человечества. Невежество паразитирует на ней, соблазняя молодые души болотными огоньками, яркими манками. Поэтому проблема формирования культуры нового поколения, образования и приобщения ко всему богатству знания и умения является ключевой.

Вступающий в мир индивид должен пройти тернистый путь приобщения к родовой сущности человека, что возможно лишь через культуру в ее универсальном значении как единства трудовой, познавательной, художественно-эстетической, ценностно-ориентированной деятельности в сфере общения. Если в судьбе индивида играют доминирующую, определяющую роль отчужденные формы человеческих отношений, традиции антагонизмов, агрессивность и стихия деструктивных насильственных действий, то он приобщается не к культуре, а к антикультуре, которая тожеждественна торжествующему невежеству. Фактически формируется на этой основе не *Homo sapiens*, а более или менее «умный зверь», используя выражение Плеханова. Технические достижения нашего времени открывают перед ним невиданные возможности для торжества демонической силы разрушения, агрессии, насилия, террора.

Однако неведение – лишь возможная предпосылка невежества. Последнее не передается с генами, в том числе и далеким наследием животных предков. На это обстоятельство обращал внимание еще Эрих Фромм в своей работе по проблеме человеческой деструктивности. Согласно его концепции, деструктивность рождается системой общественных отношений, в первую очередь отчуждением: «Человек технического века страдает не столько от страсти к разрушению, сколько от тотального отчуждения» [11]. Новый тип отчуждения рожден в первую очередь «рыночным человеком», ориентированным на систему вещных отношений, вещных ценностей, что особенно ярко проявляется у американского правящего класса. «Он отворачивает свой интерес от жизни, от людей, от природы и от идей – короче, от всего того, что живет; он обращает все живое в предметы, вещи, включая самого себя и свои человеческие качества: чувства и разум,

способность видеть, слышать и понимать, чувствовать и любить» [11, с. 301].

В социально-психологическом плане речь идет о тех, кто не получил признания и не нашел своего места в социальной структуре.

Фромм не включил в систему деструктивности категорию невежества, однако это вытекает из хода его рассуждений. Неслучайно он говорит об агрессивном иррационализме.

Но, может быть, невежество есть необходимый элемент развития, преодоления застывшего, окостеневшего, старого, традиционного? Вряд ли это так. Скорее здесь речь должна идти о пустом, зряшном отрицании, но отнюдь не о диалектике, для которой отрицание означает момент не только преодоления прошлого, но и его удержания с сохранением положительного содержания предшествующего развития.

Проблема невежества должна быть рассмотрена в культурологическом аспекте – в контексте антикультуры, которая не сводится к метафорически расплывчатому определению чего-то нехорошего, а понимается как ложное основание бытия. Если культура – путь самореализации, формирования, раскрытия человеческой сущности, то антикультура – способ ее деградации, разрушения, уничтожения.

Характеризуя культуру как способ деятельности, синтезирующий в себе творческую производственно-преобразующую, познавательную, художественно-эстетическую, ценностно-ориентационную формы деятельности, способ общения человека с людьми и природой, мы видим в антикультуре средоточение полярно противоположных качеств. Не творческое созидание предметного мира, а производство и применение средств разрушения; не познание законов природы и общества, а иррационально-мистическая антинаука; не формирование мира по законам красоты, а торжество эстетики безобразного; не нравственность, а низость цинизма, лакейства и ренегатства; не сотрудничество и взаимопомощь людей, а эксплуатация и господство-подчинение; не коэволюция природы и общества, а превращение окружающей среды в помойную яму. При этом невежество и является идеологией этой антикультуры, как следствие тотального отчуждения человека от его сущности.

Было бы наивно искать спасения от тотального отчуждения в его особенных формах, уповая то на рынок и деньги, то на религию, то на сциентизм, то на сектантское затворничество, то на прекраснородушные гуманистические ценности. И не от генетического наследства биологических предков, вомбата или гепарда надо освобождаться, а от благоприобретенных антагонизмов, рожденных частной собственностью на орудия и средства производства, всем миром отчуждения.

Невежество не исчезнет на основе одной лишь образовательно-просветительной деятельности. Должны быть преодолены в обществе его

предпосылки: отчужденный характер бытия, деструктивность социальных отношений, имманентный разрушительный характер общественных антагонизмов, рождающих тотальное насилие, войны, массовый террор на уровне не только государств, но и бытовых отношений.

Мы привыкли считать разум родовым атрибутом человека. Но чтобы стать разумным, необходим упорный постоянный труд каждого индивида, направленный на освоение истории и культуры мышления. Реальный, эмпирический факт заключается в том, что большинство людей не проходят такой школы. Фактически они отчуждены от достижений разумного духа. Этот грустный сюжет обсуждал известный французский математик Анри Пуанкаре, который писал: «Но большая часть людей не любит думать, и, может быть, это и к лучшему, ибо ими руководит инстинкт, и руководит ими обыкновенно лучше, чем интеллектуальные соображения, по крайней мере во всех тех случаях, когда люди имеют в виду одну и ту же непосредственную цель. Но инстинкт – это рутинная, и если бы его не оплодотворяла мысль, то он в человеке не прогрессировал бы больше, чем в пчеле или в муравье. Необходимо, следовательно, чтобы кто-нибудь думал за тех, кто не любит думать» [12]. Это, конечно, хорошо, если хоть кто-нибудь думает; другим остается утешаться вздохом евангелистов: прости им прегрешения их, ибо не ведают, что творят.

Такое неведение может быть не очень опасным, если оно относится к узкому кругу бытовых хлопот, сиюминутной суеты. Но оно приобретает грозные формы, когда касается человеческих судеб, проблем исторического развития, грядущих поколений. Отсутствие научного подхода, глубокого анализа на этом уровне приводило и приводит к драматическим последствиям. Об этой опасности в свое время предупреждал Энгельс: «Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели» [13].

Никого не удивляет, что для познания Космоса нужны телескопы и спектроскопы, спутники и ракеты; что для понимания атома необходимы циклотроны, синхрофазотроны и компьютеры. Но почему-то считается, что для познания общества, управления социальными процессами особых усилий не требуется, вроде всем и так все ясно. В действительности познать человека, общество во много раз сложнее и труднее. И инструмент познания, созданный долгой историей, лишь один – диалектический метод. А овладеть им обязаны и призваны все. Иначе – бесконечные судороги общественного организма.

Каждый призван внести свой вклад в преодоление тупиковой ситуации в развитии человечества, мобилизуя его исторический опыт и разум. Для людей науки в этой связи полезно было бы вернуться к мысли Вернадского, предлагавшего «внегосударственные организованные формы мировой научной среды», поскольку «идея "научного мозгового центра" человечества выдвигается жизнью» [14]. Это могло бы содействовать соединению науки и демократии, знания и творческой силы труда, поиску путей преодоления всех форм отчуждения, в том числе и демонической силы невежества.

Примечания

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 112.
2. *Ziman J.* Monthly Nature. Febr. 1994. Vol. 2, № 2. P. 37.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 77.
4. *Гегель.* Эстетика. Т. 3. М., 1971. С. 358.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 612.
6. *Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова.* М., 1973. Т. 2. С. 158.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.
8. *Вернадский В.И.* Размышление натуралиста. Кн. 2. М., 1977. С. 67.
9. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 376.
10. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1976. С. 163.
11. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 229.
12. *Пуанкаре А.* О науке. М., 1990. С. 373.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 21 – 22.
14. *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 68 – 69.